

ТАНИНЪ РИЧАРДЪ.

ТАНИНЪ РИЧАРДЪ.

Было раннее утро въ началѣ августа. Таня Горная, молоденькая дочь полковника, проснулась радостная и счастливая. Ей было стыдно, что она такъ радостна, — ей отецъ и оба брата ушли на войну, и мама каждый день плакала, а обѣ старшия сестры ходили съ грустными и озабоченными лицами. Но Таня знала почему-то, что отецъ и братья вернутся благополучно и что ее самое ждетъ большое счастье. Знала она это по тому особенному чутью къ будущему, которое жило въ ней съ дѣтства и никогда не обманывало ее. Сестры смѣялись иногда надъ ея предвѣщательными снами, и она избѣгала рассказывать о нихъ.

Сегодня уже подъ утро Танѣ приснился свѣтлый, дѣтский сонъ. Въ озареніи необычайнаго свѣта предсталъ предъ нею воинъ въ блистающихъ латахъ, съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ. У воина этого было лицо ея молодого друга, англичанина Ричарда Тайта. Воинъ приблизился къ ней, и сказалъ:

— Ничего не бойся, Таня.

— Я ничего не боюсь,—отвѣтила ему во снѣ Таня. Она привыкла къ постояннымъ спорамъ съ Ричардомъ, и потому и теперь не могла удержаться отъ того, чтобы не возразить на слова невѣдомаго воина, похожаго на Ричарда. Но сразу же вспомнивъ, что это—воинъ, а не инженеръ Ричардъ, и что онъ только похожъ на Ричарда, и догадавшись, что онъ посланъ возвѣстить ей нѣчто, она застыдилась того, что спорить, и стала на колѣни передъ свѣтлымъ воиномъ. Тогда воинъ, ласково улыбаясь ей, сказалъ:

— Мы побѣдимъ, и я принесу тебѣ великую радость. И на этомъ Таня проснулась и увидѣла въ незнаемомъ окнѣ своей спальни еще совсѣмъ низкое солнце.

Танѣ стало радостно. Она проворно одѣлась, заплела свои косы, и вышла босая въ садъ. Щеки ея горѣли, и ей весело было чувствовать, что она сильная и здоровая. Висело вспомнились вчерашнія нянины слова:

— Какъ ни молись, Танечка, а въ монастырь тебя не возьмутъ. Ты, что больше молишься, то толще дѣлаешься.

Таня весело подумала:

«Богъ меня любить, посылаетъ мнѣ здоровье».

И вдругъ опять ей стало стыдно этой хвастливой мысли. Она закрыла ярко-покраснѣвшее лицо полными загорѣлыми руками, стала на песокъ дорожки голыми колѣнями и молилась.

Уже она хотѣла подняться съ колѣнъ, какъ вдругъ подумала, что мысли ея о только что увидѣнномъ снѣ были грѣшныя. Грѣшными въ нихъ было то, что лицо свѣтлаго воина показалось ей похожимъ на лицо Ричарда. Она опять закрыла лицо руками, и молилась долго.

Когда она встала и пошла по сырмъ еще пескамъ дорожекъ къ садовой рѣшеткѣ, чтобы взглянуть на ши-

рокую тамъ далеко внизу, рѣку, ей все же было весело и радостно, и лицо Ричарда припоминалось ей. И уже она не упрекала себя за это.

«Что жъ такое!—думала она.—Вѣдь я же его не люблю. А если онъ любить быть со мною, то это можетъ быть потому, что онъ любить спорить и дразнить меня, а я должна это терпѣть. Можетъ быть, потому у дивнаго воина было Ричардово лицо, чтобы дать мнѣ понять, что я не должна такъ много съ нимъ спорить и такъ отстаивать правоту моей вѣры. Кротостью и смиренемъ я скорѣе достигну того, что онъ меня пойметъ,—вѣдь онъ очень добрый и милый человѣкъ».

Никого не было въ саду, и по дорогѣ за рѣшеткою никто еще не шелъ. Таня стояла долго и уже легкая дрема упала на ея глаза. И вдругъ за рѣшеткою сада послышались быстрые, увѣренные шаги, скрипнула калитка.—и, похожій на видѣние утренняго сна, въ свѣтлой лѣтней одеждѣ, передъ Танею сталъ, весело улыбаясь, Ричардъ.

— О, какъ вы рано сегодня встали!—сказала Таня, протягивая ему руку.

— Какъ всегда, милая Таня, раньше васъ,—отвѣчалъ Ричардъ.

— Ну,—начала было Таня спорить но вспомнила свои недавня мысли, стала еще румянѣе и засмѣялась.

— Что вамъ сегодня снилось?—спросилъ Ричардъ.

«Хочетъ надо мной посмѣяться?»—подумала Таня.— Ну и пусть смѣется».

Но, всмотрѣвшись въ его лицо, Таня увидѣла на немъ необыкновенное выраженіе серьезности и значительности. Сердце ея предвѣщательно забилось, и она почувствовала, что голодъ ея звенитъ трепетно, когда она говорила:

— Представьте себѣ, Ричардъ, я видѣла во снѣ вась въ свѣтлой одеждѣ, въ одеждѣ воина.

Ричардъ и не думалъ засмѣяться. Онъ смотрѣлъ на Таню очень удивленными глазами.

— Таня,—сказалъ онъ,—вы видите удивительные сны.—Я вѣдь затѣмъ и пришелъ къ вамъ чтобы разсказать вамъ новость,—я поступилъ добровольцемъ въ русскую армію.

Таня задрожала.

— Вамъ холодно?—участливо спросилъ онъ.

Она молча покачала головою. Сердце ея билось больно и тревожно. Она разсказала Ричарду, что сказала ей свѣтлый воинъ въ снахъ.

— Таня,—спросилъ Ричардъ, вѣжно заглядывая въ ея глаза—а больше ничего онъ вамъ не сказалъ?

— Нѣтъ, ничего,—тихо отвѣчала Таня.

Странно, стыдно и сладко стало. Знала, что онъ сейчасъ скажетъ ей.

— Не сказалъ, что я вась люблю?—опять спросилъ Ричардъ.

Танѣ стало вдругъ весело. Еще стыдящимися глазами она посмотрѣла на него, какъ смотреть на солнце, со страхомъ и съ радостью, и сказала:

— Ричардъ, мнѣ этого не надо говорить,—я это сама знаю.

Ричардъ покраснѣлъ. Воволнованнымъ голосомъ,—первый разъ такой голосъ слышала Таня у своего обычнаго флегматичнаго друга,—онъ спросилъ:

— А вы, Таня?

Она опустила глаза. Тихо, тихо сказала:

— А развѣ это надобно говорить? }

И сказала громко и смѣло:

— Ричардъ, мое сердце меня еще никогда не обма-

нивало. Я вѣрю въ Бога, и молюсь Ему, и Богъ ко мнѣ милостивъ—я знаю, что ты вернешься ко мнѣ, что тебя не убьютъ.

И вдругъ застыдилась, закрыла лицо локтемъ милой руки, подражая стыдливому движению деревенской дѣвушки.

«Что же это я говорю?»—подумала она.

И только теперь поняла, какъ взволнована и обрадована ея душа тѣмъ, что ея милый опорщикъ Ричардъ захотѣлъ сражаться за Россію, которую она такъ богомольно любитъ. Обрадована ея душа, и словно развязана, и теперь она смѣетъ и хочетъ его любить.

Смѣясь и плача—не отъ горя, отъ высокой радости—она почувствовала на своемъ жаркомъ локтѣ его сильную руку. Сопротивлялась было да недолго,—какъ она ни сильна, а онъ все-таки сильнѣе, отвелъ ея локоть, прямо въ радостные ея глаза смотреть.

Таня засмѣялась, протянула ему руку.

— Желаю тебѣ счастливаго пути и успѣховъ,—сказала она и сильно пожала его руку.

— Таня, а развѣ ты меня не поцѣлуешь?—спросилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

Она обвила его шею руками, заплакала разнѣженно и счастливо и цѣловала долго, долго. Безъ конца цѣловала бы, да послышались на ближнихъ дорожкахъ голоса и шаги сестеръ.